АРХИТЕКТУРА. РЕКОНСТРУКЦИЯ. РЕСТАВРАЦИЯ. ТВОРЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ АРХИТЕКТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО. ГРАДОРЕГУЛИРОВАНИЕ

УДК 69:94(47)

DOI: 10.22227/2305-5502.2018.1.3

СТРОИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО В МОСКВЕ В 1918–1921 ГГ.

Т.Л. Пантелеева

*Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
(НИУ МГСУ), 129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26*

Предмет исследования: предметом исследования является строительство в Москве в первые годы после Октябрьской революции 1917 г.

Цель: выявить какое влияние оказала экономическая политика большевистского правительства на состояние строительного дела, каким образом распоряжения центральной власти реализовывались на практике на региональном уровне.

Материалы и методы: использованы документы из Центрального государственного архива г. Москвы, в основу методологии положены принципы историзма, объективности, опоры на исторические источники, при анализе и изложении материала был использован проблемно-хронологический метод.

Результаты: изучение конкретно-исторического материала позволило дать объективную характеристику состояния строительного дела в Москве в 1918–1921 гг., рассмотреть структуру, задачи и важнейшие направления деятельности Московского комитета государственных сооружений. Приведены данные о характере производимых работ, в том числе о реконструкции театральных зданий, которые могут быть использованы при дальнейшем изучении истории строительства и архитектуры советского периода.

Выводы: деятельность Московского комитета государственных сооружений проходила в условиях острого дефицита материальных и людских ресурсов и была направлена на постепенную ликвидацию частной собственности и предпринимательства в строительстве. Полностью решить эту задачу не удалось, частные строительные артели участвовали в работах по ремонту и реконструкции общественных зданий. Особое внимание уделялось объектам образования, здравоохранения, социального обеспечения и культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Московский комитет государственных сооружений (Москомгосоор), строительство, реконструкция, ремонт, декрет, национализация, план, строительные материалы, подряд, подрядчик

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пантелеева Т.Л. Строительное дело в Москве в 1918–1921 гг. // Строительство: наука и образование. 2018. Т. 8. Вып. 1 (27). Ст. 3. Режим доступа: <http://nso-journal.ru>.

CIVIL ENGINEERING IN MOSCOW IN 1918–1921

T.L. Panteleeva

*Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (MGSU),
26 Yaroslavl'skoe shosse, Moscow, 129337, Russian Federation*

The scope of research: the scope of research is the engineering in Moscow in the first years after the October Revolution of 1917.

Purpose: to determine what effect the economic policy of the Bolsheviks government had on the state of the civil engineering, how the central government's orders were implemented in practice at the regional level.

Materials and methods: the documents from the Central State Archives of Moscow are used, the methodology is based on the principles of historicism, objectivity, reliance on historical sources, analysis and presentation of the material used a problem-chronological method.

Results: the study of concrete historical material allowed to give an objective description of the state of construction in Moscow in 1918–1921, to consider the structure, tasks and major activities of the Moscow Committee of State Structures. Data are given on the nature of the works performed, including the reconstruction of theatrical buildings, which can be used to further study the history of engineering and architecture of the Soviet period.

Conclusions: the work of the Moscow Committee of State Structures was held in the conditions of acute shortage of material and human resources and was aimed at the gradual liquidation of private property and entrepreneurship in engineering. It was not possible to solve this problem completely, private construction cooperatives participated in the repair and reconstruction of public buildings. Particular attention was paid to the objects of education, health, social welfare and culture.

KEY WORDS: Moscow Committee of State Structures (Moskomgosoor), construction, reconstruction, repair, decree, nationalization, plan, building materials, contract, contractor.

FOR CITATION: Panteleeva T.L. Stroitel'noe delo v Moskve v 1918–1921 gg. [Civil engineering in Moscow in 1918–1921]. Stroitel'stvo: nauka i obrazovanie [Construction: Science and Education]. 2018, vol. 8, issue 1 (27), paper 3. Available at: <http://nso-journal.ru>. (In Russian)

ВВЕДЕНИЕ

Октябрьская революция 1917 г. стала началом глубоких социально-экономических трансформаций, затронувших все отрасли российской экономики. Национализация, административный контроль, жесткие меры «пролетарского государства» в отношении реальных и мнимых противников социалистических преобразований составляли генеральную линию экономической политики большевистского правительства. Гражданская война 1918–1920 гг. была следствием этой политики и причиной дальнейшего ухудшения экономической ситуации. Общий упадок производства, прекращение поставок сырья, паралич транспортного сообщения самым отрицательным образом сказались на состоянии строительного дела. Конкретно-историческое изучение деятельности местных Комитетов государственных сооружений позволяет точнее выявить истинный характер «социалистических преобразований» в строительстве и отметить их региональные особенности. Опыт Москвы имел особое значение, поскольку с 12 марта 1918 г. город получил статус столицы. Здесь все работы шли под контролем не только местных, но и центральных советских организаций, в том числе Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), представители которой неоднократно проводили проверки деятельности Московского комитета государственных сооружений, а в марте 1921 г. — комплексное обследование всей организации (склады, объекты, исполнение работ и отчетность, трудовые и материальные ресурсы и пр.). Сохранившиеся документы содержат важную информацию о состоянии строительного дела в Москве, в том числе о реконструкции зданий общественного назначения в 1918–1921 гг.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В общих работах по истории советской архитектуры вопросам организации строительного дела в первые послереволюционные годы не уделялось особого внимания [1–4]; публикации документов немногочисленны, в основном это тексты декретов [5]. В работах, посвященных формированию и функционированию органов управления Советского государства, рассматриваются центральные учреждения и общие вопросы экономической политики [6–9]. Деятельность Комитета государственных сооружений при ВСНХ наиболее полно освещена А.Л. Филоненко [10]. Политические и социальные аспекты жилищного кризиса в Москве в 1914–1920 гг. рассмотрены в статье О’Доннел [11]. Анализ литературы позволяет сделать вывод, что для дальнейшего изучения заявленной темы необходимо привлечь новые источники. По мнению Ю.Л. Косенковой, расширение источниковой базы является одной из важных задач изучения советской архитектуры и строительства в целом [12].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Статья написана на основе не публиковавшихся ранее документов, хранящихся в Центральном государственном архиве города Москвы. Использованы фонды Московского комитета государственных сооружений (фонд Р-2051) и Сокольнического районного строительного отдела (фонд Р-2308), в котором в большем объеме представлены документы 1918–1919 гг. Методологической основой работы являются принципы историзма, объективности, опоры на исторические источники, конкретности и системности. Проблемно-хронологический метод исследования позволил рассмотреть важнейшие аспекты деятельности Московского комитета государственных сооружений и состояние строительного дела в рассматриваемый период.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Декрет Совнаркома о Комитете государственных сооружений (Комгосоор) при Высшем Совете Народного хозяйства (ВСНХ) от 09.05.1918 определял задачи нового учреждения в самом общем виде: объединить всю строительную деятельность, разработать план и дать оценку проектам, имеющим общегосударственное значение [13]. При формировании местных структур Комгосоора летом 1918 г. возникла необходимость точнее определить функции создаваемых комитетов и отделов. Протокол заседания межведомственного совещания по организации московского областного Комгосоора зафиксировал дискуссию о том, должен ли комитет регулировать строительную деятельность. В декрете слово «регулирование» не употреблялось, однако представители и от рабочих, и от специалистов высказались за «регулирующие функции», в том числе за обязательный технический надзор и рассылку справочных цен, без которых невозможно составление смет. После обмена мнениями сошлись на том, что обтекаемые формулировки декрета подразумевают именно «регулирование» [14]. Стоит отметить, что разработка новых инструкций шла при участии старых специалистов с учетом сложившейся еще до революции практики государственного контроля в области строительного дела.

В Москве были созданы областной (для работы в губернии) и городской комитеты. Под руководством Московского городского комитета работали семь районных отделений: Бауманский, Городской (центральный), Замоскворецкий, Краснопресненский, Рогожско-Симоновский, Сокольнический, Хамовнический. Внутренняя структура комитета (отделы, подотделы, отделения и пр.) постоянно менялась. В актах обследования, составленных инспекторами РКИ в марте 1921 г., была предпринята попытка описать историю развития организации, имеющиеся в наличии структурные подразделения Москомгосоора, их функции и штаты. Однако ясной

картины не получилось, поскольку и в центральном аппарате, и на местах делопроизводство велось плохо, а иногда не велось вовсе. От 1918–1919 гг. остались отдельные документы. Лишь к 1921 г. удалось наладить более-менее правильный документооборот, но и в это время не все фиксировалось на бумаге. В Москомгосооре инспекторы РКИ обнаружили «лишние» структурные единицы (отделения), по которым не было представлено ни проекта положения, ни сведений о личном составе. А после обследования одного из подотделов Бауманского района был вынесен следующий вердикт: записей об исполненных работах нет, плана работ нет, учет израсходованных материалов не ведется, материал учитывается приблизительно по количеству исполненных работ и т.п. [15]. Слова «халатность», «вред республике», «отдать под суд» часто встречаются в документах контролирующих органов. Но истинные причины беспорядка коренились в революционном разрушении, пренебрежении к формальностям документооборота, нехватке специалистов.

Сохранившиеся временные «Положения о городских и уездных строительных отделах» датированы мартом 1921 г. Они содержат краткий перечень важнейших функций этих учреждений (составление плана работ, смет, проектов, производство собственными техническими силами и материальными средствами строительных работ по своему району, составление технической и финансовой отчетности по выполненным работам, техническое, противопожарное и санитарное наблюдение за всеми находящимися на территории отдела зданиями и сооружениями) [16]. При этом инструкции уместались на одной странице. Нормативные документы первых послереволюционных лет отличала краткость, объясняемая, среди прочего, элементарной экономией бумаги. Как гласил циркуляр подотдела складов Москомгосоора от 17 сентября 1920 г., «...ввиду бумажного кризиса, подтверждается неперменное соблюдение постановления о недопустимости чистых полей, незаписанных пробелов, больших интервалов между строчками в служебных бумагах и употребления больших форматов бумаги вместо малых. Так, нельзя употреблять полулисты, когда содержание доклада или ведомости может поместиться на четвертушке, четвертушку вместо восьмушки листа и пр.» [17]. И действительно, большое количество распоряжений и циркуляров той поры написано на четвертушках или даже восьмушках листа.

Положение со стройматериалами в структурах Москомгосоора было объектом постоянного внимания со стороны руководства и инспекторов РКИ. Лейтмотивом всех документов на протяжении всего рассматриваемого периода была констатация того, что склады почти пустые и надежды на получение новых материалов проблематичны. Стройматериалов едва хватало на мелкий ремонт. Особенно плохо обстояло дело с инструментом и заводскими деталя-

ми, необходимыми для работ по электроснабжению, отоплению, водопроводу и водоотведению. Для пополнения запаса стройматериалов было решено разбирать старые здания. К июлю 1921 г. за Москомгосоором числилось 53 склада, из которых 14 были заполнены кирпичом и балками от сломанных домов [18]. Типичный итог учета районного склада выглядел следующим образом: кирпича 7000 шт., железа кровельного — 800 шт., гвоздей — четыре пачки, цемента нет, извести нет, стекла нет, краски (разной) 19 пудов, олифы нет и т.д. [15, л. 9, 43, 74–76].

Уже в начале сентября 1918 г. было признано, что рабочие и строительные материалы, направляемые Москомгосоором в районы, предназначены исключительно для зданий общественного назначения. В первую очередь следовало обратить внимание на школы и больницы, во вторую очередь — на советские учреждения и общественные здания. Работы в муниципальных и частных владениях силами государственных строительных артелей следовало прекратить. Вместе с тем, Президиум Московского Совета 5 сентября 1918 г. принял постановление, согласно которому разрешалось сдавать ремонтные и строительные работы сдельно рабочим, коммуна, артелям, союзам, кооперативам, инженерным товариществам, частным лицам и конторам. При составлении смет и расчетах за произведенную работу следовало руководствоваться прейскурантами 1913–1914 гг. с надбавкой от 1900 до 2000 %. Но предложенные расценки не удовлетворили сдельщиков, они указывали на непомерную дороговизну продуктов, особенно хлеба, казенная порция которого была слишком мала. С 1 ноября 1918 г. все подрядчики и артели потребовали надбавки от 2000 до 2500 % на рабочую силу и до 3000 % в том случае, если будут работать своим материалом [19]. Дальнейшее обесценение рубля в годы гражданской войны привело к тому, что в конце 1921 г. цены довоенных прейскурантов увеличивались в 70 000 раз, в январе 1922 — в 100 000 раз, в феврале 1922 — в 150 000 раз в соответствии с объявленным Наркоматом финансов курсом рубля [20].

За гигантскими счетами на строительные материалы и работы скрывался преимущественно мелкий ремонт. Планирование либо не велось, либо носило характер благих пожеланий. Образцом прожектерства может служить строительный план Москвы на 1921 г., в который вошли не только городские объекты, но и промышленное строительство по губернии (табл.).

Центральная плановая комиссия уменьшила представленный план по новым зданиям до 1/10, по ремонту — до 1/8, однако признали, что материальные и трудовые ресурсы не позволяли выполнить даже сокращенный план [21].

В первые послереволюционные годы на стройках продолжали работать частные артели, но главными их заказчиками стали государственные и об-

План строительных работ в Москве на 1921 г. (сводка)

Типы зданий	Новые	Ремонт	Смета, руб.
Фабрично-заводские	102	132	3 386 233 800
Правительственные	2	236	2 320 062 000
Наркомздрав и наркомсбезд	20	5325	5 825 250 000
Жилые	—	1200	8 000 000 000
Поселковые	50	—	1 145 750 000
Культурно-просветительские	13	6339	7 931 300 000
Итого	187	14 427	28 635 595 800

ественные организации, заключавшие подряд на строительные работы. В Москве был разработан стандартный договор между организацией-заказчиком, именуемой «Сдатчик», и частным лицом, именуемым «Контрагент», который брался исполнить работу из своих материалов и силами своих сотрудников. При этом «Контрагент» гарантировал, что его технический персонал (инженеры, техники, десятники) имеет достаточную квалификацию, всех рабочих и служащих он нанимал от своего имени, выплачивал вознаграждение за свой счет, был обязан застраховать персонал и соблюдать трудовой кодекс. «Сдатчик» назначал своего представителя, который наблюдал за производством работ и имел право требовать увеличения (или уменьшения) количества рабочих, замены некачественных материалов и т.п., причем требования эти должны быть исполнены неукоснительно. Вместе с тем, «Сдатчик» обеспечивал всем рабочим и служащим, нанятым по договору, продовольственный паек и одежду, а также отсрочку от исполнения воинской повинности. В договоре перечисляли основные работы и указывали общую сумму по предварительной смете. Так, 10 сентября 1920 г. был заключен договор между строительной комиссией по постройке санатория «Серебряный бор» и гражданином Кузьмой Филипповичем Агibalовым на общую сумму 300 млн руб. Договор предусматривал строительство зимних бараков для рабочих (на 100 чел.), два дома для врачей, один дом для низших служащих и гостиницу [21, л. 8-9 об.].

Новых объектов было немного, и в основном это были небольшие постройки хозяйственно-технического назначения (склады, подсобные помещения). Завершалось строительство некоторых зданий, начатое еще до революции (дом для сотрудников Наркомфина по Большому Никитскому бульвару, д. 12, дом Коммуны по Большой Царицынской ул. д. 35) [21, л. 13, 14]. В районах основной объем работ приходился на ремонт и переоборудование общественных зданий, при этом до 80 % объектов относились к отделам здравоохранения и образования (школы, больницы, детские дома и т.п.). В Сокольническом районе в 1918 г. оказалось учтено всего 25 объектов, на четырех из них работа не начиналась из-за отсутствия рабочих и материалов. В списке — пять образовательных учреждений (Дом просвещения, два городских

училища, трудовая школа), четыре больницы (Бахрушинская, Сокольническая, детская больница св. Владимира на Стромьнке и Преображенская больница), три богадельни, дом ребенка, приют и рабочий дом, а также две столовые, две хлебопекарни. Характер работ — приспособление помещений для нужд учреждения, ремонт, перекладка печей, кровельные и стекольные работы (не исполненные из-за отсутствия листового железа и стекла). Некоторое своеобразие этому списку придают два объекта: Сокольническая пожарная часть (ремонт полов в конюшнях и помещениях для пожарных повозок) и Театр Тиволи (переустройство отдельных кабин, общее фойе при театре, устройство раздевалки и кассы) [22].

Театры как общественно-значимые объекты получали поддержку от государства даже в условиях разрухи [23]. В 1919 г. дирекция Малого театра обратилась с заявлением о необходимости капитального ремонта. Согласие официальных властей последовало сразу, но до середины 1920 г. к работе так и не приступили. После повторного обращения руководства театра техническим отделом Москомгосоора было произведено обследование здания, составлена предварительная смета и внушительный перечень работ по реконструкции здания: провести перепланировку подсобных помещений, сломать старые перегородки и возвести новые, сделать нестергаемые потолочные перекрытия, пробить новые дверные и оконные проемы, устроить лестницы и дополнительные выходы, укрепить наружные стены и др. Выполнение работ было передано контрагенту Слепяну в июле 1920, а уже 29 марта 1921 г. комиссия в составе представителей от МГКС и РКИ, директора Малого театра С.А. Головина, производителя работ инженера И.И. Рерберга, архитектора С.Ф. Воскресенского подписала акт о сдаче работ, в котором признавалось, что контрагент достаточно успешно справился с большинством заданий, кроме ремонта крыш. Комиссия отметила многочисленные трудности в получении материалов и рабочих рук, производство работ зимой при временных печах, подъем материалов в верхние этажи по стремянкам, задержку работ в связи с медленным освобождением помещений от театрального имущества и пр. По произведенным работам были выставлены пять счетов на общую сумму 100 800 000 рублей, из которых

контрагенту Слепяну уплатили 85 млн руб., помимо него другие бригады производили работы по отоплению и электричеству [15, л. 248-249 об.].

В это же время шла реконструкция здания по адресу ул. Арбат, д. 26. В октябре 1920 г. контрагенту Элькинду было поручено к 1 марта 1921 г. восстановить после пожара двухэтажный дом с мезонином и приспособить его для театральных нужд. Перечень работ включал оборудование сцены, устройство отопления и электроосвещения, водопровода и канализации. У контрагента на объекте работало около 20 рабочих и пять служащих, к 21 февраля 1921 г. договор был исполнен на 9 %. Новое театральное здание предназначалось для Третьей студии МХАТ (руководитель Е.Б. Вахтангов) [21, л. 15-16 об.].

Подрядчики успешно исполняли условия контрактов, но в рабоче-крестьянском государстве был взят курс на ликвидацию частного предпринимательства. 24 ноября 1920 г. Совет труда и обороны (СТО) подписал постановление о ликвидации подряда. Советским учреждениям и общественным организациям запрещалось приглашать контрагентов и подрядчиков для производства каких-либо работ, все ранее заключенные договоры прекращали свое действие с 1 января 1921 г. Подрядчиков вместе со всем их персоналом считали отоброшенными в распоряжение Главного комитета по всеобщей трудовой повинности, при этом они должны были сдать все материалы и инструменты в соответствии с декретом Совнаркома о реквизициях и конфисках от 16.04.1920. На основании этого постановления была разработана «Инструкция о порядке перехода от подряда к хозяйственному», согласно которой подрядчиков вместе со всеми сотрудниками зачисляли в штат соответствующих советских учреждений для того, чтобы не останавливать работы. С формальной точки зрения хозяйственный способ отличался от подряда тем, что заготовку материалов и наем рабочих осуществлял сам заказчик, т.е. некое государственное учреждение. Практическое осуществление всех этих мероприятий было недолгим: в связи с переходом к нэпу проведение строительных работ подрядным способом вновь было разрешено декретом от 30.09.1921 [24].

В Москве взаимоотношения между советскими учреждениями и частными строительными артелями развивались под пристальным наблюдением РКИ. Вопрос об учете подрядчиков, инвентаря и материалов при передаче всех работ в ведение одной строительной организации впервые был поставлен осенью 1920 г. еще до издания Постановления СТО о ликвидации подряда. Решили учесть все работы, которые проводились в сезоне 1920 г. в Москве и в 30-верстной полосе вокруг нее. Регистрация происходила путем подачи анкет самими подрядчиками (перечень договоров с приложением заверенных копий, место и время работ, состав и квалификация рабочей силы, материалы, инструменты

и пр.). Советским организациям и ведомствам было запрещено оплачивать строительные работы, если подрядчик не мог предоставить удостоверение о регистрации работ. Таким образом удалось взять на учет 306 контрагентов, выполнивших 674 работы силами около 16 000 рабочих и 1500 человек служебно-технического персонала. Перепроверить эти данные и установить, всех ли зарегистрировали, инспекторам РКИ не удалось [21, л. 3-4 об.].

В марте-апреле 1921 г. при проведении комплексного обследования выяснилось, что на нескольких важных объектах частные артели продолжали работать в нарушение постановления СТО, а при переходе на хозяйственный способ не оформлялись должным образом передаточные акты, не были составлены списки сотрудников и описи имущества контрагентов. Официальные документы зафиксировали любопытную тенденцию: в Старо-екатерининской больнице при подрядчике работало 100 человек, а после перехода на хозяйственный способ остался 31 человек, в Мясницкой больнице соответственно 23 чел. и 14 чел., в Доме Коммуны на Большой Царицынской 250 чел. и 75 чел., в детском доме на Смоленской-Сенной 35 чел. и 11 чел. [21, л. 5-6]. О причинах подобного сокращения можно судить, например, по акту обследования строительных работ по Большому Никитскому бульвару, д. 12.

В июле 1920 г. отделка этого здания была сдана подрядчику К.Ф. Агibalову (штукатурка, малярные, плотнично-столярные работы, кровля, печи и пр., все из материалов и рабочей силой подрядчика), работало от 100 до 110 человек. К началу февраля 1921 г. было исполнено 60 % работ, а затем произошел переход на хозяйственный способ. На практике это означало, что все рабочие перешли в распоряжение строительной конторы Москомгоссоора, сам подрядчик был принят туда на правах служащего и продолжал руководить артелью. Одновременно были национализированы материалы и инструменты подрядчика, скудость которых вполне соответствовала революционной эпохе: лопат железных 12 штук, кувалд — пять штук, ведер малярных — 10 штук и т.п., бак для супа — одна штука, ковшей для супа — два. На момент обследования у Агibalова по спискам числилось 62 человека рабочих и четыре служащих, в наличии оказалось 41 рабочих и один делопроизводитель. Из числа отсутствующих 13 человек находились в отпуске (т.е. покинули стройку с разрешения начальства), а остальные уехали самовольно, о чем было сообщено как о дезертирстве [21, л. 1341-46]. Стоит отметить, что «отпуск» образца 1918–1921 г. был связан с поездками в деревню за продовольствием [25]. Очевидно, что до перехода под непосредственное руководство Москомгоссоора подрядчик имел возможность весьма приблизительно называть количество рабочих в своей артели, и тем самым получать дополнительно продовольственные пайки.

В 1922 г. Комитет государственных сооружений при ВСНХ был преобразован в Строительный отдел ВСНХ, все государственные строительные организации должны были войти в состав треста «Госстрой». На местах происходили аналогичные изменения. В апреле 1922 г. было объявлено о ликвидации МКГС, передача складов Мосстрою происходила в мае 1922 г. [20, л. 114, 31].

ВЫВОДЫ

В 1918–1921 гг. закладывались основы советской экономической системы. Деятельность центрального и региональных Комитетов государ-

ственных сооружений были первым опытом организации и регулирования строительного дела на новых принципах. Постепенное вытеснение частного, централизованное распределение стройматериалов, попытки планирования — эти тенденции развивались на фоне острого дефицита материальных и людских ресурсов, резкого сокращения объема строительных работ. Несмотря на все объективные трудности государственные и частные строительные, артели продолжали работу, которая сводилась в основном к ремонту и реконструкции общественных зданий. Особое внимание уделялось объектам образования, здравоохранения, соцобеспечения и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архитектура Советской России. М. : Стройиздат, 1975. С. 11, 69, 169.
2. Иконников А.В. Архитектура Москвы. XX век. М. : Моск. рабочий, 1984. С. 41–43.
3. Журавлев А.М., Иконников А.В., Рочегов А.Г. Архитектура Советской России. М. : Стройиздат, 1987. С. 51–52.
4. Kopp A. Town and revolution: Soviet architecture and city planning, 1917–1935. New-York, 1970.
5. Из истории советской архитектуры 1917–1925 гг.: Документы и материалы / отв. ред. К.Н. Афанасьев. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 17–20.
6. Дробижев В.З. Как создавались органы управления народным хозяйством. М. : Прогресс, 1984. 63 с.
7. Malle S. The economic organization of war communism, 1918–1921. Cambridge, 1985.
8. Гимпельсон Е.Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления, 1917–1930. М. : Ин-т Рос. Истории РАН, 2003. 224 с.
9. Мау В.А. Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861–1929). М. : Дело, 2013. 511 с.
10. Филоненко А.Л. Создание и функционирование управленческих структур Высшего совета народного хозяйства в 1917–1921 годах : дис. ... доктора ист. наук. Челябинск, 1999. С. 98–107.
11. О’Доннелл Э. Хозяйственная жизнь и власть в Москве, 1914–1920 // Города империи в годы Великой войны и революции: сборник статей. С.-Пб.–М.: Нестор, 2017. С. 19–52.
12. Косенкова Ю.Л. Четверть века изучения истории архитектуры советского периода в новых условиях. Что изменилось? // Academia. Архитектура и строительство. 2014. № 3. С. 10–15.
13. Декреты Советской власти. Том II. 17 марта — 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 247–249.
14. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. Р-2051. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.
15. Там же. Д. 7. Л. 1, 61–62 об.
16. Там же. Д. 5-а. Л. 8–9.
17. Там же. Д. 3. Л. 7.
18. Там же. Д. 9. Л. 47–52.
19. Там же. Ф. Р-2308. Оп. 1. Д. 4. Л. 15–16, 42–45.
20. Там же. Ф. Р-2051. Оп. 1. Д. 9-а. Л. 2.
21. Там же. Д. 8. Л. 49–51 об.
22. Там же. Ф. Р-2308. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–26.
23. Архитектурные памятники Москвы: прошлое и настоящее (к 870-летию основания столицы). М. : МГСУ, 2017. С. 237–238.
24. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. С. 41–46, 888–891.
25. ЦГА Москвы. Ф. Р.-2051. Оп. 1. Д. 30. Л. 90.

Поступила в редакцию 31 ноября 2017 г.

Принята в доработанном виде 5 декабря 2017 г.

Одобрена для публикации 29 декабря 2017 г.

О Б А В Т О Р Е : **Пантелеева Татьяна Леонидовна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, **Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)**, 129337, г. Москва, Ярославское шоссе, 26; tpantele@mail.ru.

INTRODUCTION

The October Revolution of 1917 marked the beginning of profound social and economic transformations that affected all sectors of the Russian economy. The nationalization, administrative control, the severe measures of the “proletarian state” against the real and imaginary opponents of socialist transformation constituted the general line of the economic policy of the Bolsheviks government. The Civil War of 1918–1920 was a consequence of this policy and the reason for the further deterioration of the economic situation. The general decline in production, the cessation of supplies of raw materials, and the paralysis of transport communication have had a most negative impact on the state of the construction industry. A concrete historical study of the activities of local Committees of state structures allows us to reveal the true nature of the “socialist transformations” in construction more accurately and note their regional characteristics. The experience of Moscow was of particular importance, since from 12 March 1918 the city received the status of the capital. Here all the works were controlled not only by local but also by central Soviet organizations, including the Workers’ and Peasants’ Inspectorate (WPI), whose representatives repeatedly conducted inspections of the activities of the Moscow Committee of State Structures, and in March 1921 — a comprehensive survey of the entire organization warehouses, facilities, performance of work and reporting, labor and material resources, etc.). The surviving documents contain important information on the state of the construction industry in Moscow, including the reconstruction of public buildings in 1918–1921.

LITERATURE REVIEW

In general works on the history of Soviet architecture, the organization of construction in the first post-revolutionary years was not given special attention [1–4]; the publication of documents is not numerous, mainly these are texts of decrees [5]. In works devoted to the formation and functioning of the governing bodies of the Soviet state, central institutions and general questions of economic policy are considered [6–9]. The activity of the Committee of State Structures under the Supreme Economic Council is most fully covered by A.L. Filonenko [10]. Political and social aspects of the housing crisis in Moscow in 1914–1920 are considered in an article by O’Donnell [11]. The analysis of the literature allows to draw a conclusion that for further study of the declared topic it is necessary to attract new sources. According to Yu.L. Kosenkovoy, the expansion of the source base is one of the important tasks of studying Soviet architecture and construction in general [12].

MATERIALS AND METHODS

The article is written on the basis of previously unpublished documents stored in the Central State Archive

of Moscow. The funds of the Moscow Committee of State Structures (Fund R-2051) and the Sokolnichesky District Construction Department (Fund R-2308) were used, in the documents of 1918–1919 are presented to a greater extent. The methodological basis of the work are the principles of historicism, objectivity, reliance on historical sources, concreteness and system. The problem-chronological method of investigation made it possible to consider the most important aspects of the activities of the Moscow Committee of State Structures and the state of the construction industry in the period under review.

RESULTS

The Decree of the Council of People’s Commissars on the Committee of State Structures (Komgosoor) of the Supreme Council of the National Economy (VSNKh) of 09.05.1918 defined the tasks of the new institution in the most general form: to unite all construction activities, develop a plan and evaluate projects of national importance [13]. When the local structures of Komgosoor were formed in the summer of 1918, it became necessary to define more accurately the functions of the committees and divisions that were being created. The minutes of the meeting of the interdepartmental meeting on the organization of the Moscow regional Komgosoor document a discussion on whether the committee should regulate construction activities. In the decree the word “regulation” was not used, but representatives from both workers and specialists spoke for “regulatory functions”, including for mandatory technical supervision and dispatch of reference prices, without which it is impossible to compile estimates. After an exchange of views, they agreed that the streamlined wording of the decree meant “regulation” [14]. It should be noted that the development of new instructions was carried out with the participation of old specialists, taking into account the practice of state control in the field of construction that had developed before the revolution.

In Moscow, the regional (for work in the province) and the city committees were created. Under the leadership of the Moscow City Committee there were seven regional branches: Baumanskiy, City (central), Zamoskvoretsky, Krasnopresnensky, Rogozhsko-Simonovsky, Sokolnichesky, Khamovnichesky. The internal structure of the committee (departments, sub-departments, offices, etc.) has been constantly changing. In the acts of the survey compiled by the inspectors of the WPI in March 1921, an attempt was made to describe the history of the organization’s development, the available structural units of the Moskomgosoor, their functions and staffs. However, a clear picture did not work, because both in the central office and in the field, the office work was conducted poorly, and sometimes it was not conducted at all. From 1918–1919 years. there were separate documents. Only by 1921 it was possible to establish more or less correct document circulation,

but at that time not everything was fixed on paper. In Moskomgosoор, the inspectors of the WPI found redundant structural units (offices) for which neither the draft provision nor the information on personnel was submitted. And after the survey of one of the sub-offices of the Bauman district, the following verdict was passed: there are no records of the executed works, there is no work plan, no account is taken of the materials consumed, the material is taken into account approximately by the number of works performed, etc. [15]. The words “negligence”, “harm to the republic”, “put on trial” are often found in the documents of the controlling bodies. But the true causes of the disorder were rooted in revolutionary destruction, disregard for the formalities of the document circulation, and the shortage of specialists.

The remaining Provisions on Urban and District Construction Departments are dated of March 1921. They contain a short list of the most important functions of these institutions (drawing up a work plan, estimates, projects, manufacturing their own technical forces and material means of construction work in their area, compiling technical and financial reporting on the work performed, technical, fire and sanitary supervision of all buildings and structures located on the territory of the department) [16]. In this case, the instructions fit on one page. Normative documents of the first post-revolutionary years were distinguished by brevity, explained, among other things, by elementary paper economy. As the circular of the warehouse of the Moskomgosoор depended on September 17, 1920, “... in view of the paper crisis, it is confirmed that the resolution on the inadmissibility of clean margins, unrecorded gaps, large intervals between lines in official papers and the use of large paper sizes instead of small ones is confirmed. So, you cannot use half-sheets, when the contents of a report or a list can fit on a quarto, a quarto instead of an octavo etc.” [17]. And indeed, a large number of orders and circulars of that time are written on quarto or even on octavo sheets.

The situation with building materials in the structures of the Moskomgosoор was the object of constant attention from the leadership and inspectors of the WPI. The leitmotif of all documents throughout the period under review was the statement that the warehouses are almost empty and the hopes for obtaining new materials are problematic. Building materials barely enough for minor repairs. Particularly poor was the case with the tool and the factory details necessary for the work on electricity, heating, water supply and sanitation. To replenish the stock of building materials, it was decided to disassemble the old buildings. By July 1921, Moskomgosoор had 53 warehouses, 14 of which were filled with brick and beams from broken houses [18]. The typical result of accounting for the district warehouse was as follows: brick 7000 pieces, roofing iron 800 pieces, nails four packs, no cement, no lime, no glass, paint (different) 19 poods, no drying oil, etc. [15, l. 9, 43, 74–76.]

Already at the beginning of September 1918 it was acknowledged that the workers and building materials sent by Moskomgosoор to the districts are intended exclusively for public buildings. First of all it was necessary to pay attention to schools and hospitals, secondarily — to Soviet institutions and public buildings. Work in municipal and private domains by the forces of state construction cooperatives should be stopped. At the same time, on September 5, 1918, the Presidium of the Moscow Soviet adopted a resolution, according to which it was permitted to hand over repair and construction work by the piece to workers, communes, guilds, unions, cooperatives, engineering associations, private individuals and offices. When compiling estimates and calculations for the work done, it was necessary to follow the price lists of 1913–1914 with a premium of 1900 to 2000 %. But the proposed quotations did not satisfy the pieceworkers, they pointed to the exorbitant high cost of food, especially bread, the state portion of which was too small. Since November 1, 1918, all contractors and guilds demanded a bonus of 2000 to 2500 % on labor and up to 3000 % if they work with their material [19]. Further depreciation of the ruble in the years of the Civil War led to the fact that at the end of 1921 the prices of pre-war price lists increased by 70,000 times, in January 1922 — by 100,000 times, in February 1922 — by 150,000 times in accordance with the declared rate of the People’s Commissariat of Finance rubles [20].

For giant accounts for building materials and work, mostly minor repairs were concealed. Planning was either not carried out, or had the character of good wishes. An example of projecting can serve as a building plan for Moscow in 1921, which included not only urban sites, but also industrial construction in the province (Table).

The Central Planning Commission reduced the submitted plan for new buildings to 1/10, for repairs to 1/8, but recognized that material and labor resources did not allow even a reduced plan to be implemented. [21]

In the first post-revolutionary years, private guilds continued to work on construction sites, but their main customers were state and public organizations that contracted construction work. In Moscow, a standard contract was developed between the contracting authority, called “Delivery agent”, and a private person called “Counterparty”, who undertook to execute the work from his materials and the forces of his employees. At the same time, the “Counterparty” guaranteed that its technical personnel (engineers, technicians, tenants) had sufficient qualifications, he hired all workers and employees on his own behalf, paid remuneration at his own expense, was obliged to insure personnel and comply with the labor code. The “Delivery agent” appointed a representative who supervised the production of the work and had the right to demand an increase (or decrease) in the number of workers, replacement of poor-quality materials, etc., and these requirements must be strictly enforced. At the same time, the “Delivery agent”

provided all workers and employees hired under the contract with food rations and clothing, as well as postponement of military service. The contract listed the main work and indicated the total amount by preliminary estimate. So, on September 10, 1920 an agreement was signed between the construction commission for the construction of the Serebryany Bor sanatorium and a citizen Kuzma Filippovich Agibalov for a total of 300 million rubles. The contract provided for the construction of winter barracks for workers (per 100 people), two houses for doctors, one house for lower employees and a hotel [21, f. 8–9 vol.]. (Figure 1 of the Appendix).

There were few new facilities, and basically these were small buildings for economic and technical purposes (warehouses, utility rooms). The construction of some buildings was completed, even before the revolution (a house for employees of the People's Commissariat of Finance for the Bolshoy Nikitsky Boulevard, 12, the house of the Commune along Bolshaya Tsaritsynskaya Street 35) [21, p. 13, 14]. In the districts, the bulk of the work was accounted for the renovation and re-equipment of public buildings, while up to 80% of the objects belonged to the health and education departments (schools, hospitals, orphanages, etc.). In the Sokolniki district in 1918, only 25 objects were included, the work did not begin at four of this objects because of the lack of workers and materials. The list includes five educational institutions (the House of Education, two municipal schools and a labor school), four hospitals (Bakhrushinskaya, Sokolnicheskaya, St. Vladimir's Children's Hospital at Stromynka and the Preobrazhenskaya Hospital), three charities, a children's home, a shelter and a workhouse, and two dining rooms, two bakeries. The nature of the work — the adaptation of premises for the needs of the institution, repair, relocation of furnaces, roofing and glass works (not performed due to the lack of sheet iron and glass). Two peculiarities are attached to this list: Sokolnicheskaya fire department (repairing floors in stables and premises for fire trucks) and Tivoli Theater (reconstruction of separate cabins, general foyer at the theater, changing room and cash desk) [22].

Theaters as publicly significant objects received support from the state even in the conditions of devastation [23]. In 1919, the directorate of the Maly Theater sent a statement on the need for major repairs. The con-

sent of the official authorities followed immediately, but until mid-1920 the work did not start. After the repeated address of the theater administration, the technical department of the Moskomgosoor conducted a survey of the building, prepared a preliminary estimate and an impressive list of works for the reconstruction of the building: architectural replanning of the auxiliary rooms, break old partitions and erect new ones, make fireproof ceilings, break new door and window openings, make a ladder and additional outlets, strengthen the outer walls, etc. (Figure 2 of the Appendix). The work was transferred to the contractor Slepian in July 1920, and as early as March 29, 1921, a commission consisting of representatives from the MCCC (Moscow City Coordination Council) and the WPI, the director of the Maly Theater S.A. Golovin, the manufacturer of works of engineer I.I. Rerberg, architect S.F. Voskresensky signed an act of surrender of work, which recognized that the counterpart successfully coped with most of the tasks, except repair of the roofs. The Commission noted the numerous difficulties in obtaining materials and labor, the production of work in the winter in temporary furnaces, the lifting of materials to the upper floors by stepladder, the delay in the work due to the slow release of premises from theatrical property, etc. Five works were made for the total amount 100,800,000 rubles, of which 85 million rubles were paid to a contractor for Slepian, in addition to him other brigades produced heating and electricity [15, p. 248–249.].

At the same time, there was a reconstruction of building at Arbat Street, 26. In October 1920, the counterpart Elkind was commissioned by March 1, 1921 to restore after the fire a two-story house with a mezzanine and to adapt it for theatrical needs. The list of works included stage equipment, heating and electric lighting, water supply and sewerage. About 20 workers and five employees worked at the counterpart, by 21 February 1921 the contract was executed at 9 %. The new theater building was intended for the Third Studio of the Moscow Art Theater (the head — E.B. Vakhtangov) [21, p. 15–16].

Contractors successfully fulfilled the terms of contracts, but in the workers' and peasants' state a course to liquidate private enterprise was taken. November 24, 1920. The Council of Labor and Defense (CLD) signed a decree on the elimination of contracting. Soviet institu-

Plan of construction works in Moscow in 1921 (summary)

Types of buildings	New	Repairs	cost account, rubles
Factory-and-works	102	132	3 386 233 800
Administrative	2	236	2 320 062 000
People's Commissariat of Health and People's Commissariat of Social Welfare	20	5325	5 825 250 000
Residential	—	1200	8 000 000 000
Settlement	50	—	1 145 750 000
Culturally educational	13	6339	7 931 300 000
Total:	187	14 427	28 635 595 800

tions and public organizations were forbidden to invite counterparties and contractors to produce any work, all previously concluded contracts ceased to be effective on January 1, 1921. The contractors, together with all their personnel, were considered mobilized at the disposal of the General Committee for Compulsory Labor Service had to hand over all the materials and tools in accordance with the decree of the Council of People's Commissars on requisition and confiscation of 16.04.1920. On the basis of this decree, an "Instruction on the procedure for transition from a contracted mode of production to an economic one" was developed, according to which contractors along with all employees were enlisted in the staff of the corresponding Soviet institutions in order not to stop the work. From a formal point of view, the economic method differed from contracting in that the procurement of materials and the hiring of workers were carried out by the customer himself, i.e. a certain state institution. Practical implementation of all these measures was short-lived: in connection with the transition to NEP (New Economic Policy) construction work was again authorized by contract in a decree of 30.09.1921 [24].

In Moscow, the relationship between Soviet institutions and private construction guilds developed under the close supervision of the Workers' and Peasants' Inspection. The issue of accounting contractors, inventory and materials for the transfer of all works to a construction company was first put up in the autumn of 1920, even before the publication of the Council of Labor and Defense (CLD) Resolution on the liquidation of contracting. We decided to take into account all the works that were carried out in the season of 1920 in Moscow and in the 30-mile lane around it. Registration was carried out by submitting the questionnaire by the contractors themselves (a list of contracts with the application of certified copies, the place and time of work, the composition and qualifications of the workforce, materials, tools, etc.). Soviet organizations and departments were forbidden to pay construction work, if the contractor could not provide a certificate of registration of work. Thus, it was possible to register 306 counterparties who performed 674 works with about 16,000 workers and 1,500 people of service and technical personnel. The inspectors of the WPI failed to re-verify these data and to establish whether all were registered. [21, p. 3–4].

In March-April 1921, during a comprehensive survey, it was found that at several important sites, private guilds continued to work in violation of the CLD resolution, and in passing to the economic method, transfer certificates were not drawn up properly, lists of employees and inventories of counterparties were not drawn up. Official documents recorded a curious trend: in the Starokaterininskaya hospital, with the contractor worked 100 people, and after passing to the economic way there were 31 people, in the Myasnitskaya Hospital, respectively, 23 people and 14 people, in the House of Commune on the Great Tsaritsinskaya 250 people and 75 people, in an orphanage in Smolenskaya-Senna-

ya 35 people and 11 people. [21, p. 5–6]. The reasons for such a reduction can be judged, for example, according to the act of survey of construction work on Bolshoy Nikitsky Boulevard, 12.

In July 1920, the decoration of this building was handed over to the contractor K.F. Agibalov (plaster, painting, carpentry, roofing, stoves, etc., all of the materials and labor of the contractor), worked from 100 to 110 people. By the beginning of February 1921, 60 % of the work was completed, and then a transition to the economic method took place. In practice, this meant that all the workers had been placed at the disposal of the construction firm of the Moskomgosoar, the contractor himself had been accepted there as an employee and continued to manage the guild. Simultaneously, the materials and tools of the contractor were nationalized, the scarcity of which corresponded to the revolutionary epoch: 12 pieces of iron shovels, sledge hammer — 5 pieces, paint buckets — 10 pieces, etc., soup tank — 1 piece, soup bowls — 2. At the time of the survey, Agibalov had 62 workers and 4 employees on the lists, 41 workers and 1 documentation clerk were present. Of the absent 13 people were on leave (i.e. left the construction site with the permission of the authorities), and the rest left on their own, which was reported as desertion [21, p. 1341–46]. It should be noted that the release of the sample of 1918–1921 was connected with trips to the village for foodstuffs [25]. Obviously, before the transition to the direct leadership of Moskomgosoar, the contractor was able to call the number of workers in his guild highly approximately, and thereby receive additional food rations.

In 1922, the Committee of State Structures under the Supreme Economic Council was transformed into the Construction Department of the Supreme Council of National Economy, all state construction organizations were to become part of the Gosstroy Trust. Similar changes occurred on site. In April 1922, it was announced the liquidation of the MCCC (Moscow City Coordination Council), the transfer of warehouses to Mosstroy took place in May 1922 [20, p. 114, 31].

CONCLUSIONS

In 1918–1921 foundations of the Soviet economic system were laid. The activities of the central and regional committees of state structures were the first experience in organizing and regulating the construction business on new principles. Gradual liquidation of the private trader, centralized distribution of building materials, planning attempts — these trends developed against the background of acute shortage of material and human resources, a sharp reduction in the volume of construction work. Despite all the objective difficulties of public and private construction, the guilds continued to work, which was limited to the repair and reconstruction of public buildings. Particular attention was paid to the objects of education, health, social welfare and culture.

REFERENCES

1. *Arkhitektura Sovetskoy Rossii* [Architecture of Soviet Russia.]. Moscow, Stroyizdat Publ., 1975, pp. 11, 69, 169. (In Russian)
2. Ikonnikov A.V. *Arkhitektura Moskvy. XX vek* [Moscow Architecture. XX century]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1984, pp. 41–43. (In Russian)
3. Zhuravlev A.M., Ikonnikov A.V., Rohegov A.G. *Arkhitektura Sovetskoy Rossii* [Architecture of Soviet Russia.]. Moscow, Stroyizdat Publ., 1987. Pp. 51–52. (In Russian)
4. Kopp A. *Town and revolution: Soviet architecture and city planning, 1917–1935*. New-York, 1970.
5. *Iz istorii sovetskoy arkhitektury 1917–1925 gg.: Dokumenty i materialy* [From the history of Soviet architecture, 1917–1925: Documents and materials] / K.N. Afanas'ev ed. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1963. Pp. 17–20. (In Russian)
6. Drobizhev V.Z. *Kak sozdavalis' organy upravleniya narodnym khozyaystvom* [How were the bodies of management of the national economy created]. Moscow, Progress Publ., 1984. (In Russian)
7. Malle S. *The economic organization of war communism, 1918–1921*. Cambridge, 1985.
8. Gimpel'son E.G. *Stanovlenie i evolyutsiya sovetskogo gosudarstvennogo apparata upravleniya, 1917–1930* [Formation and evolution of the Soviet state apparatus, 1917–1930]. Moscow, Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2003. (In Russian)
9. Mau V.A. *Reformy i dogmy. Gosudarstvo i ekonomika v epokhu reform i revolyutsiy (1861–1929)* [Reforms and dogmas. State and economy in the era of reform and revolution (1861–1929)]. Moscow, Delo Publ., 2013. (In Russian)
10. Filonenko A.L. *Sozdanie i funktsionirovanie upravlencheskikh struktur Vysshego soveta narodnogo khozyaystva v 1917–1921 godakh: dis. ... doktora ist. nauk* [Establishment and functioning of administrative structures of the Supreme Council of national economy in the years 1917–1921: thesis of the doctor of historical sciences]. Chelyabinsk, 1999, pp. 98–107. (In Russian)
11. O'Donnell E. *Khozyaystvennaya zhizn' i vlast' v Moskve, 1914–1920* [Economic life and the power in Moscow, 1914–1920]. Goroda imperii v gody Velikoy voyny i revolyutsii: sbornik statey [Cities of the empire during the Great war and revolution: collected articles]. Saint-Petersburg–Moscow, Nestor Publ., 2017, pp. 19–52. (In Russian)
12. Kosenkova Yu.L. *Chetvert' veka izucheniya istorii arkhitektury sovetskogo perioda v novykh usloviyakh. Chto izmenilos'?* [Quarter century of studying the history of architecture of the Soviet period in a new environment. What has changed?]. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and Construction]. 2014, no. 3, pp. 10–15. (In Russian)
13. *Dekrety Sovetskoy vlasti. Tom II. 17 marta – 10 iyulya 1918 g.* [Decrees of the Soviet government. Vol. II. March 17 — July 10, 1918]. Moscow, 1959, pp. 247–249. (In Russian)
14. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv goroda Moskvy (TsGA Moskvy)* [Central state archive of Moscow]. Fund R-2051. Series 1. File 1. L 1–2. (In Russian)
15. Ibid. File 7. L. 1, 61–62.
16. Ibid. File 5-a. L. 8–9.
17. Ibid. File 3. L. 7.
18. Ibid. File 9. L. 47–52.
19. Ibid. Fund R-2308. Series 1. File 4. L. 15–16, 42–45.
20. Ibid. Fund R-2051. Series 1. File 9-a. L. 2.
21. Ibid. File 8. L. 49–51 ob.
22. Ibid. Fund R-2308. Series 1. File 7. L. 1–26.
23. *Arkhitekturnye pamyatniki Moskvy: proshloe i nastoyashchee (k 870-letiyu osnovaniya stolitsy)* [Architectural monuments of Moscow: past and present (870th anniversary of the founding of the capital)]. Moscow, Moscow State University of Civil Engineering, 2017, pp. 237–238. (In Russian)
24. *Sobranie zakonov i rasporyazheniy pravitel'stva za 1921 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR* [Collection of legalizations and orders of the government in 1921. Management of the Affairs of the People's Commissars of the USSR]. Moscow, 1944, pp. 41–46, 888–891. (In Russian)
25. *TsGA Moskvy* [Central state archive of Moscow]. Fund R.-2051. Series 1. File 30. L. 90. (In Russian)

Received November 31, 2017

Adopted in the finalized form on December 5, 2017.

Approved for publication on December 29, 2017.

ABOUT THE AUTHOR: **Panteleeva Tatyana Leonidovna** — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Philosophy, **Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (MGSU)**, 26 Yaroslavskoe shosse, Moscow, 129337, Russian Federation; tpantele@mail.ru.

Рис. 1. Договор о строительстве санатория «Серебряный бор»

Fig. 1. The contract for the construction of the Serebryany Bor sanatorium

-1-.

АРХИВНАЯ КОПИЯ

244
248

А К Т.

Марта 29-го дня 1921 года, мы нижеподписавшиеся: Председатель Комиссии по обследованию МКГС Н.Г.ВОЛКОВ и Представитель от ~~НК~~ *Брандуков* Н.Г.Брандуков, в присутствии Старшего Инспектора Л.В.КОНА, Директора Малого театра С.А.ГОЛОВИНА, производителя работ инженера И.И.ПЕРБЕРГА архитектора С.Ф.ВОСКРЕСЕНСКОГО и представителей контр-агента СЛИПИНА, осматривали строительные работы по ремонту и частичной перестройке здания Малого театра, при чем из осмотра работ и чертежей и по докладам Директора театра и Производителя работ оказалось следующее:

В 1919-м году Дирекция Малого Театра обратилась в Главкомгоссоор с заявлением о необходимости капитального ремонта здания Малого Театра, на что со стороны Главкомгоссоора последовало согласие, но до июня месяца 1920 года к работам приступлено не было.

В июне 1920 года Дирекция Театра обратилась с той же настоятельной просьбой в Коллегию Оскома, которая дала срочное поручение Заведующему Технической Частью произвести обследование Малого Театра и вынести какие работы могут быть произведены в ближайшее время.

Обследование выяснило, что уборные артистов, разбросанные по разным местам, склады мебели и бутафории, склады костюмов и реквизита чрезвычайно опасны в пожарном отношении, что усугубляется недостаточным количеством лестниц и выходов.

Во время театральных представлений сборы и выходы артистов чрезвычайно затруднительны общими выходами на сцену со складами декораций, мебели и реквизита и отдавленностью костюмерных. Существующий отведенный ход в бывшую царскую ложу занимает много места и отнимает большую световую поверхность в наружной стене, где заложен целый ряд окон. Центральное паровое отопление от котлов бывшей электрической станции установлено лишь в части помещений и наряду с ним осталось печное и калориферное отопление. Крыша находится в плохом состоянии и во многих местах наблюдается протечки на потолках и стенах. Наружные стены здания, выходящие во двор и на Неглазный проезд, покрыты целым рядом трещин от осадки фундаментов, вследствие понижения уровня грунтовых вод и гниения свай под фундаментами. Паровые котлы для отопления здания сильно запущены и обмуровка обвалилась, при чем громадной высоты трехветный зал бывшей электрической станции вызывает большой непроизводительный расход топлива.

После осмотра была срочно составлена предварительная смета и акт

Рис. 2. Смета и перечень работ по реконструкции здания Малого театра

Fig. 2. Estimate and list of works for the reconstruction of the Maly Theater